

УДК 398.1; ГРНТИ 17.71.07

<https://doi.org/10.47526/habarshy.vi1.394>**А.Ф. ЛИЦАРЕВА***

*преподаватель Московского колледжа управления, гостиничного бизнеса и информационных технологий «Царицыно»; соискатель ученой степени кандидата филологических наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
(Российская Федерация, г. Москва), e-mail: alya-alya@yandex.ru.*

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ПОСТФОЛЬКЛОРЕ О КЛАДОИСКАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОИСКОВИКОВ

Статья посвящена сопоставлению наиболее популярных сходных мотивов, присущих фольклорным текстам о поисковиках и кладоискателях, деятельность которых сконцентрирована вокруг артефактов времен Великой Отечественной войны.

Подробно рассмотрены присутствующие в фольклорных текстах мотивы наказания за принесенные с погоста или места раскопок вещи покойника; явления клада (призрака) в материальном облике; появления «блуждающих огоньков» как ориентира местонахождения клада (останков бойца); взаимодействия с хозяином леса; поминания усопших и попытки задобрить хранителя кладов; связи кладов с деревьями.

В статье изучены уникальные тексты из личного архива исследователя, сформированного по итогам экспедиций, отражающие популярные в поисковой и кладоискательской среде сюжеты.

В рамках исследования преимущественно использованы методы анкетирования и интервьюирования, частично – включенного наблюдения (на Вахтах памяти). Автором статьи составлен опросник для поисковиков, позволивший записать значительное количество текстов, показательных в части отражения особенностей как отдельных личностей, так и конкретных отрядов, их традиций, поверий, преданий, примет; также по результатам исследования сформирован корпус быличек.

Ключевые слова: поисковик, артефакты Великой Отечественной войны, клад, кладоискатель, традиция, фольклор, фольклорный текст.

А.Ф. Лицарева

*«Царицыно» Москва басқару, қонақ үй бизнесі және ақпараттық технологиялар колледжінің оқытушысы; М.В. Ломоносов атындағы Москва мемлекеттік университетінің филология ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесінің иегері
(Ресей Федерациясы, Москва қ.), e-mail: alya-alya@yandex.ru.*

Орыс фольклоры мен постфольклорындағы қазына іздеу дәстүрлері және оны іздеушілер қызметі туралы негізгі мотивтер

*** Цитируйте нас правильно:**

Лицарева А.Ф. Основные мотивы в русском фольклоре и постфольклоре о кладоискательской традиции и деятельности поисковиков // *Ясауи университетінің хабаршысы*. – 2021. – №1 (119). – Б. 209–219. <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi1.394>

***Cite us correctly:**

Lisareva A.F. Osnovnye motivy v russkom folklоре i postfolklоре o kladoiskatelskoi traditsii i deyatelnosti poiskovikov [Main Motives in Russian Folklore and Post-Folklore about Treasure Hunting Tradition and Seekers Activities] // *Iasayı ünıversitetiniñ habarshysy*. – 2021. – №1 (119). – B. 209–219. <https://doi.org/10.47526/habarshy.vi1.394>

Мақала Ұлы Отан соғысының артефактілерін іздеушілер мен қазына іздеушілер туралы фольклорлық мәтіндерге тән ең танымал ұқсас мотивтерді салыстыруға арналған.

Фольклорлық мәтіндерде кездесетін қайтыс болған адамның қабірінен немесе қазба орнынан әкелінген заттар үшін берілетін жаза; қазынаның (елес) материалдық көрінісі; қазынаның (жауынгердің қалдықтары) орналасқан жерінің белгісі ретінде «кезбе шамдардың» пайда болуы; орман иесімен байланыс жасау; қайтыс болғандарды еске алу және қазына қамқоршысының көңілін өзіне қаратуға әрекеттену; қазыналардың ағаштармен байланысы мотивтері жан-жақты қарастырылады.

Мақалада зерттеушінің экспедициялар нәтижесінде жиналған жеке мұрағатынан алынған іздеу және сақтау ортасында танымал сюжеттері бар мәтіндер зерттелген.

Зерттеу шеңберінде сауалнама жүргізу және сұхбаттасу, ішінара қосылған бақылау әдістері (Вахта ескерткіштерінде) пайдаланылды. Мақала авторы іздестірушілерге арналған сауалнама құрастырып, бұл жеке тұлғалардың да, нақты топтардың да ерекшеліктерін, олардың дәстүрлерін, сенімдерін, ескі сөздерін, ырымдарын көрсететін көптеген мәтіндерді жазуға мүмкіндік берді. Сонымен қатар зерттеу нәтижелері бойынша хикаялар корпусы құрылды.

Кілт сөздер: іздеуші, Ұлы Отан соғысының артефактілері, қазына, қазына іздеуші, дәстүр, фольклор; фольклорлық мәтін.

A.F. Litsareva

*Teacher of "Tsaritsyno" Moscow College of Management, Hotel Business and Information Technologies;
Applicant for the Degree of Candidate of Philology, M.V. Lomonosov Moscow State University
(Russian Federation, Moscow), e-mail: alya-alya@yandex.ru.*

Main Motives in Russian Folklore and Post-Folklore about Treasure Hunting Tradition and Seekers Activities

The article compares the most popular common motives of folklore texts about seekers and treasure hunters, whose activities are concentrated around artifacts from the times of the Great Patriotic War.

The author addresses the folklore motives of (a) punishment for bringing the belongings of the deceased from the graveyard or excavation site; (b) the appearance of a treasure (ghost) in a material form; (c) the appearance of "wandering lights" as a reference point for the location of the treasure (the remains of a soldier); (d) interaction with the Forest Lord; (e) commemoration of the dead and attempts to appease the treasure keeper; (f) location of treasures close to trees.

The article examines unique texts from the researcher's personal archive containing results of expeditions, reflecting popular plots related to both seekers and treasure hunting environment.

Research methods mainly include surveys and interviewing and at some point – observation (on the Memory Watch). The author of the article created a questionnaire for seekers, which helped to record a significant number of texts. The materials are illustrative of characteristics for both individuals and specific groups, their traditions, beliefs, legends, signs. In addition, one of the practical results of this study is a corpus of short mystic stories (in Russian folklore terms – bylitchka).

Keywords: seeker, artifacts of the Great Patriotic War, treasure, treasure hunter, tradition, folklore, folklore text.

Введение

Проводимые на местах сражений периода Великой Отечественной войны поисковые работы привели к формированию особой субкультуры поисковиков, внутри которой существует разделение на «красных» или «белых», ищущих останки красноармейцев

с целью перезахоронения, снятия с их имен клейма «предатель», и «черных», копающих ради материальной составляющей – сбываемых на «черном рынке» предметов, преимущественно немецких как более дорогих. Наряду с поисковой деятельностью выделяется такое явление, как кладоискательство, имеющее более продолжительную историю и нашедшее отражение как в фольклорном наследии – паремиях, быличках и текстах иной жанровой принадлежности (например, «Не всякому дураку клад дается. На клад знахаря надо»), так и в художественной литературе – вспомним хотя бы строки В.С. Высоцкого:

Одни его лениво ворошат,
другие неохотно вспоминают,
а третьи даже помнить не хотят, –
и прошлое лежит, как старый клад,
Который никогда не раскопают.

В народном восприятии специфика поисковой / кладоискательской деятельности преломляется с учетом устоявшихся в обществе поверий и табу. Само место раскопок воспринимается как связанная с иным миром территория, на которую вторгается представитель нашего мира. Поэтому в какой-то мере поисковик/кладоискатель, согласно народным поверьям, должен приобщиться к миру мертвых, понять и принять его систему ценностей, вести себя уважительно, соблюдать ряд предписаний и запретов.

Материалы и методы исследования

Основной корпус фольклорных текстов, именуемых самими носителями *байками, мистическими историями* и просто *рассказами*, можно записать непосредственно в среде его бытования, используя метод включенного наблюдения, т. е. услышать при выезде с поисковиками «на коп» (так называется *место раскопок и сам процесс поиска*. – Прим. автора), по вечерам у костра. Как ни парадоксально, но ряд мотивов, сюжетов и образов из сферы кладоискателей оказывается связан не только с традиционной культурой, но и с деятельностью поисковиков, тексты которых можно отнести уже к постфольклору в связи с влиянием на них массовой культуры, телевидения и кинематографа. Нами рассмотрены некоторые наиболее популярные (что подтверждается размещением подобных текстов на тематических сайтах и форумах кладоискателей и копателей) мотивы и связанные с ними сюжеты, в которых можно проследить сходство двух традиций.

Источниками настоящей статьи послужили более 500 текстов, записанных в беседе и переписке с поисковиками, а также найденные на «копательских» и кладоискательских форумах и сайтах, посвященных раскопкам, – с целью выявления повторяемости мотивов и сюжетов.

В исследовании преимущественно используются методы анкетирования и интервьюирования, частично – включенного наблюдения (на Вахтах памяти). Кроме того, объемный корпус текстов был записан автором статьи благодаря составленному им опроснику для поисковиков. Хотя в нем нет непосредственно вопросов о кладах, опросник позволяет познакомиться и с функционированием отдельного поискового отряда, и с индивидуальной поисковой деятельностью, и отражает бытование текстов, связанных с запретами, вознаграждением, наказанием, связью с выходцами из потустороннего мира и т. п. Также опросник позволяет составить общее представление о «чернокопателях», записать отдельные сюжеты. При продолжительной беседе речь зачастую заходит о сюжетах, связанных с мистикой, непонятными случаями, происходившими с кем-то из знакомых респондента. Такие тексты знакомы всем, кто побывал на выезде, независимо от того, видели ли копатели (по их утверждениям) нечто подобное или только слышали о таких случаях.

Основные результаты исследования

Предания и былички поисковиков во многом связаны с кладоискательской традицией, что объясняется наличием большого количества сюжетов, мотивов и образов из традиционной культуры. Примечательно, что проведение таких параллелей порой воспринимается как кощунственное поисковиками – представителями старшего поколения, а также поисковиками, занимающимися патриотическим воспитанием молодежи, поскольку деятельность поисковиков, равно как и служба погибших солдат, не основывается на желании обогатиться. Это разделяет в плане цели поисковиков и кладоискателей (а также «черных копателей»), ищущих ценные с материальной точки зрения предметы военного времени). Ср., например, довольно эмоциональную реакцию информанта (рассказчика) на попытку приравнять поисковую деятельность к «охоте» за кладами: «Кладоискатели с поиском как связаны?! В нашей среде это моветон. Или поиск, или клады»¹ (здесь и далее выделения курсивом сделаны автором статьи. – Прим. автора). При этом разделение поисковиков и кладоискателей подчеркивается обозначением социальной направленности и бескорыстного характера действий первых из них: «Мы практикуем *восстановление и музей*. Наглядно и полезно»².

Тем не менее, анализ эмпирического материала показывает точки соприкосновения двух субкультур на уровне наиболее распространенных мотивов и сюжетов. В частности, к популярным сюжетам можно отнести такие, как явление антропоморфного существа из иного мира; появление недалеко от местонахождения останков воспринимаемого как выходца с того света животного; удача одних поисковиков и наказание других – за бережное или потребительское отношение к лесу.

Также имеющийся материал позволяет выделить шесть основных мотивов:

- 1) мотив наказания за принесенные с погоста или места раскопок вещи покойника;
- 2) мотив явления клада (призрака) в материальном облике;
- 3) мотив появления «блуждающих огоньков» как ориентира местонахождения клада (останков бойца);
- 4) мотив взаимодействия с хозяином леса;
- 5) мотив поминания усопших и попытки задобрить хранителя кладов;
- 6) мотив связи кладов с деревьями.

Рассмотрим вышеуказанные мотивы подробнее, иллюстрируя их фрагментами из рассмотренных текстов.

1. Мотив наказания или возмездия в связи с присвоением предметов с погоста или места раскопок

Места раскопок представляют собой большое кладбище, где, согласно народным поверьям, остались неупокоенные души солдат. Поэтому при желании для сопоставления можно использовать и субкультуру могильщиков, а также иных кладбищенских сотрудников. Традиционно считалось плохой приметой приносить что-либо с погоста домой. При этом в записанных фольклорных текстах рассказчики, как правило, не упоминают о влиянии найденных вещи на жизнь поисковиков, которые поисковики держат их дома как память о бойцах, а также используют не по назначению: делая из обезвреженных предметов своего рода изделия искусства, инсталляции, либо сохраняя их с намерением при первой возможности передать родственникам бойца либо в качестве экспонатов – в школьный музей, использовать в облике реконструкторов (участников постановок в духе военно-исторической реконструкции).

¹ Власов Иван Игоревич, 1989 г. р. Поисковый отряд «Катюша». Москва. Аспирант МАИ. (Материал из личного архива Лицаревой А.Ф.).

² Там же.

Нередки в рассказах упоминания о бытовом использовании найденных предметов, например: «командир бывший стволом от пулемета ковры выбивал». Или: «Копанное не брать? Не знаю. Если вилка-ложка *удобна в обиходе*, почему не взять, современных таких не делают»¹.

В то же время передаются из уст в уста сведения о табуированных предметах/действиях в рамках субкультуры: «У поисковиков знакомых поверье: *не берут крестики расстрелянных белогвардейцев*. К сожалению, тот поисковик был просто таксистом, и у меня нет его координат. Других знакомых такого рода – тоже. Да, он рассказал, что выкопал связку крестиков – предположительно, жертв красного террора (белогвардейцев или/и сочувствующих им мирных жителей) и не взял их из суеверного страха (артикулировать внятно не смог). При этом он – черный копатель и берет все остальное, особенно, конечно, интересуется оружием, как я понял. Насколько мне известно, в русской народной культуре – если находят *крестик – не берут себе*: можно взять “судьбу человека” или его “грехи” на себя (“чужой крест”). Кроме того, в некоторых случаях (но не в этом) на кресты могут делать переклады ведьмы и колдуны и подбрасывать их – так считается»².

Распространены упоминания о запретах и приметах, с которыми напрямую связывается удачливость ищущих: «Ты знаешь, сейчас достаточно мало, все-таки эти *вещи стоят уже значительно дороже*, чем 7 лет назад. Тогда обычная солдатская ложка стоила 200 рублей, сейчас 600–700. Но и тогда их мало использовали, типа “*нельзя на раскоп брать копанину, удачи не будет*”. Тогда брали, котелки, ложки обычно»³.

Связь поиска останков немецких солдат «чернокопателями», интересующимися захоронениями из корыстной цели, и мотива наказания в современной культуре отражена в фильме «Заберите своих мертвецов» (2010) и в популярной песне «Старый следопыт»: «Он раскапывал другого человека. Он искал его *награды*... он хотел его *железную шапку*...».

Изученный материал показывает, что в народной картине мира сформировалось устойчивое представление о том, как вещи с места раскопок могут сломать жизнь «черным копателям», равно как не приносят счастья кладоискателям, словно те обменивают его на материальный достаток. Это связано с традиционным представлением о том, что легкие деньги на самом деле не могут сделать жизнь человека лучше.

В этом контексте целесообразно вспомнить известный издревле сюжет о продаже души нечистой силе ради денег: например, клад открывается только тому, кто погубил определенное количество безгрешных душ или, наоборот, убил неслыханного злодея. В то же время бытует представление, согласно которому «проклятые» клады открываются тому, кто чист сердцем. Так, в народном сознании укоренилось мнение, что, например, Генрих Шлиман выкопал Троию, потому что верил в нее и вел поиски не для личного обогащения.

Встречаются и более развернутые объяснения с характерной образностью. Например: «О наказании чернокопателей. Я, насколько поняла, «черные» шарахаются даже от помощи, сознавая свою вину, но есть *неписанные правила: не брать вещи убитого «для понта» или*

¹ Мачинский Сергей, 1974 г. р. Санкт-Петербург. Окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище (КВВПАУ), в 1995 г. (авиационный факультет). Род. в г. Смоленске. Записано в апреле 2020 г. (Материал из личного архива Лицаревой А.Ф.).

² Маничкин Нестор Александрович, КМУ-2017. ИЭА РАН. Москва. (Материал из личного архива Лицаревой А.Ф.).

³ Дзюбенко Михаил Васильевич, 1992 г. р. Москва. Руководитель поискового отряда «Единорог»; заместитель декана факультета Архивное дело по учебной работе ИАИ РГГУ. (Материал из личного архива Лицаревой А.Ф.).

наживы – примешь его судьбу, и не смотреться в зеркало погибшего: увидишь смерть, и она увидит тебя, и придет, пока не изменилась твоя внешность»¹.

2. Мотив явления клада (призрака) в материальном облике

Нельзя не отметить связь деятельности поисковиков с традиционной культурой. В числе сходства подобных рассказов о кладах и душах красноармейцев – описание *изменений внешнего облика клада / бойца*. Главное различие состоит в том, что охранника сокровищ или сам клад в образе огня, некоего животного (барашка, медведя, белого коня или быка, седого теленка, петуха, гуся), человека или предмета (горшочка на ножках) необходимо ударить, чтобы он превратился в золотые монеты.

В то же время *не всегда* клад предстает именно *в облике денег*, он *может явиться во сне* и имеет «непосредственное отношение к религиозной практике русского крестьянина» [1, с. 116]. Аналогично поисковики могут получить подробную информацию о нахождении останков солдата во сне.

Белый конь, пасущийся вдали от деревни, на месте гибели красноармейцев, воспринимается поисковиками как *вестник с того света*. Здесь можно провести параллель с представлением о *перевоплощении клада в животное*, а также с образом коня как сакрального животного, связанного со светом и огнем, потусторонним миром, погребальным культом, а также способного предсказывать судьбу хозяина (в т. ч. гибель). Кроме того, конь является проводником на «тот свет» [2, с. 590]. Возникает впечатление, что поисковикам явился из мира иного тот самый конь, который был убит вместе с красноармейцем. К тому же иногда облик лошади (в одной из быличек – это непосредственно белый конь) могут принимать оборотни [3, с. 22].

Например: «Выбрали место для отдыха, расположились. И он рассказывал о лошади в славянской мифологии. А до этого поисковики от местных слышали историю о погибших в данных краях красноармейцах, командир которых был на белом коне. Утром вылезают поисковики из палатки, а в лесу рядом с ними – *белый конь*. До ближайшей деревни – 5 км. Не по себе как-то стало. А потом *нашли бойца, череп его лежал на копыте*. Видимо, с конем вместе погибли»².

Распространен сюжет, о том, как во время экспедиции к костру подсаживается незнакомец в форме военных лет, вспоминает о сражениях в данной местности... и исчезает, как правило, назвав свое местонахождение. Найденные солдаты, как оборотни, могут превращаться в чудовища только в кошмарных снах «черных копателей», т. к. это не укладывается в традиционное (связанное с православием) представление о праведности гибели красноармейцев на поле брани: воины погибли за свое Отечество. В то же время здесь появляется мотив взаимодействия «чернокопателя» с нечистой силой, явившейся в облике погибших солдат, души которых не нашли покоя.

Проиллюстрировать данное наблюдение позволяет следующий текстовый фрагмент, который в целях наглядности приводится в полном объеме:

«*Сон* такой: это было в старом отряде как раз. Сапер рассказывал нам. А днем нашли они с руководителем мину, бахнули в болоте. Лег спать. Сон. Якобы он с руководителем копает поляну. Отходит с миноискателем в другую часть поляны – к нему *подходят два человека*: парень и девушка. Ему стало их жалко почему-то. Просыпается чуть ли не в слезах. А парень – здоровый мужик. Основная суть разговора: “Кто вы такие? Что вы тут делаете?” – “*Мы вот там лежим*”.

¹ Кузьмина Ирина Викторовна, 1975 г. р. Старая Русса. Поисковый отряд «Гвардия-шкраб» (Новгород). Запись сделана в феврале 2016 г. (Материал из личного архива Лицаревой А.Ф.).

² Дзюбенко Михаил Васильевич, 1992 г. р. Москва. Руководитель поискового отряда «Единорог»; заместитель декана факультета Архивное дело по учебной работе ИАИ РГГУ. (Материал из личного архива Лицаревой А.Ф.).

– Он нашел их?

– Нет.

Второй сон. Примерно так же начинается. Копали – копали. Подходит к нему девочка красивая, хорошая в глубине леса. Там ребята, девочки танцуют. И он танцует. Девушке: “Можно я тебя поцелую?” – “Ты что, не видишь?” Оборачивается <...>: там одни *черепа*. Подходит *мужик* – у него *кожа, как дерево*. Поисковик: “Я тебя зарублю” – “Давай руби”. И просыпается¹.

Помимо рассмотренного выше, иногда поисковики, ищущие останки красноармейцев, находят настоящие клады, например, в книге о финской войне И.В. Рыбушкина есть рассказ, как он нашел клад в местах боев [4].

3. Мотив появления «блуждающих огоньков» как ориентира местонахождения клада (бойца)

Н.А. Криничная полагает, что клад принимает форму тех животных, которые считались *священными у язычников* [5, с. 109]. Позже, когда попытки дискредитировать клад как связанный с нечистой силой предмет не оказались успешными, реликты язычества были приспособлены к христианскому мировоззрению: клады освящались, зачастую их закапывали вблизи кладбищ, часовен, церквей. На ящиках с монетами оказывается изображение креста и Евангелия.

Священным мыслился в язычестве и *огонь*, в облике которого мог являться клад. Принято считать, что горящая свеча, огоньки указывают месторасположение сокровищ. «Блуждающие» огни воспринимались и как *души умерших, ставших нечистой силой*. С этим связаны поверья о появлении огоньков кладов в глухих местах – на погостах и курганах – в сумерках. В наши дни это распространенная деталь фильмов ужасов и страшилок. «В соответствии с общерусской традицией, клады... обнаруживают себя огоньками, когда выходят на поверхность земли “просушиваться” и “очищаться”» [6, с. 74]. В то же время «огоньки могут гореть на могилах праведников; ими отмечается место, где зарыт клад и т. п.» [7, с. 23]. С этим, по-видимому, связано представление о свече как символе души в православии.

Ряд гипотез объясняет появление огоньков на месте больших захоронений. В их числе самовозгорание фосфористого водорода, образующегося на месте гниения организмов, в т. ч. в местах «большой госпиталки», т. е. любого госпитального захоронения, например, ампутированных конечностей на месте полевого госпиталя. По сути, *копатели работают на большом кладбище*, месте былых сражений, где, согласно народным поверьям, остались сотни неуспокоенных душ и земля, в представлении копателей, отдает частями останки погибших солдат, при этом довольно избирательно. На одном и том же месте могут искать разные люди, но *показываются* останки *не каждому*: зависит от цели, личных качеств, а также везет новичкам. Таким образом, появляется **мотив избранности** того, кому покажется клад (кто найдет останки бойца). С ним связаны тексты о том, что порой поисковики ежегодно на одном и том же месте находят останки, а также о том, что иногда один следопыт находит останки там, где уже копал другой.

Отражение представлений о появлении огоньков на погостах мы видим и в любимой многими поисковиками песне Игоря Растеряева «Георгиевская ленточка», в которой погибшие герои говорят с ныне живущими людьми. Действие разворачивается на местах былых сражений, где остались лежать советские солдаты, а ныне проложена железная дорога:

Проезжаю я зловещие места

Там, где человек – главное богатство недр,

¹ Н. Дмитрий, 1985 г. р., Москва. (Материал из личного архива Лицаревой А. Ф.).

Где еще с войны бойцы лежат
По трое на один квадратный метр.
Там везде шаги, там голоса,
Чудные огонечки по болотам;
Тени по ночам тебе поют,
Как будто просят и хотят чего-то...

Образ тумана или *белого света* – знак границы между разными временными пластами – так же связан с территорией, на которой проводят раскопки.

3. Мотив избирания кладом (бойцом) того, кто его найдет

Мотив преследования человека кладом (в облике животного или предмета) находит свое продолжение в рассказах о том, что на одном и том же месте в течение длительного периода времени находят бойцов. Это вызывает предположение о *преследовании погибшими поисковиков*: «Это не мы их ищем – это *они нас ищут*. Каждый из них своего из нас. Это они нас находят – не мы их» [8].

4. Мотив взаимодействия с хозяином леса

Чудесный помощник в поисковом деле (души красноармейцев, незнакомая старушка, которая исчезает, не оставляя следов, реже – старец) также непосредственно связан с фольклорной традицией. Прежде всего, подобные персонажи нам знакомы по сказкам. Бытует представление, что без *помощника* или *талисмана* (волшебного клубка, плакун-травы) найти сокровище очень сложно, «а талисмань обыкновенно дается какой либо доброй старушкой въ родѣ бабушки-затворенки, эта бабушка – добрый геній, рада пособить» [9, с. 2]. Но незнакомку нельзя обидеть ни словом, ни делом, иначе удачи не будет, пока она не простит человека. Проводя параллели с массовой культурой, вспомним старушку, явившуюся черным копателям в фильме «Мы из будущего» (2008).

Хозяин места может напугать незваных гостей и наказать. Он же испытывает их, узнавая цели визита. Аналогично известны сюжеты (прежде всего, о Тамерлане, но есть тексты, связанные с Великой Отечественной войной), когда в военное время врагам русских воинов являлась Богородица («русская Мадонна») и велела убираться с чужой земли или уходить подальше от какого-либо населенного пункта.

Проиллюстрировать это позволяет, например, следующий текст: «Поехали копать втроем. Застряли на машине. Пока водитель вытаскивал, двое ушли в деревню. Днем к нему подходит *старичок в плаще и шляпе* – грибник, наверное: “Вам помочь?”. До вечера ковырялся, но вытащить машину не получилось. Вернулись комрады. Ночью спят, и *во сне* водителю этот же старичок явился, без шляпы, *на голове рога*: “Прекращай, иначе будет тебе плохо. И ничего не найдешь”. Он черныш. Сам по себе. Ну, черный копатель. Проснулся: “Что за хрень”. Завел машину и уехал»¹.

Принято думать, что клады охраняют *чудовища*, которые могут до смерти напугать пришедшего за сокровищем смельчака. Нечистая сила является и в виде тройки, несущейся под свист и крики на незваных гостей. В роли *охранника* выступает и само *место, живущее своей жизнью*. Даже погода здесь меняется локально. Некоторые поисковики говорят об особой энергетике *зоны копа* (нередко вспоминая Зону в «Пикнике на обочине» А. и Б. Стругацких) и о том, что *место неохотно отдает останки бойцов*.

Кладоискатели также сталкиваются с тем, что начинается буря, ударяет молния при попытке выкопать клад. В случае возникновения спора или бунта у копающих сокровища клад исчезает, а яма наполняется водой. Клад не появляется вновь, если ищущий его забирает с собой часть, затем возвращается за остальным; приходит не один или не с тем

¹ Н. Дмитрий, 1985 г. р., Москва. (Материал из личного архива автора статьи).

человеком, о котором ему было сказано во сне. Кроме того, принесенные домой монеты могут превратиться в битые черепки, угли или листья.

В фольклоре копателей (прежде всего, «черных», т. е. копающих ради наживы) есть персонаж, охраняющий «клад», – Дедушко Хабар. Хабаром (термин пришел из романа А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине») называют ценные находки, в отличие от «жбони». Также охранника кладов иногда называют Земляным Дедом. В авторской песне «Копари» (она же – «Гимн копателей»), опубликованной на многих кладоискательских форумах, есть строки: «Я рожден, чтобы жить, словно птица на воле, // Обнимая прибор, пряча хабар в мешок».

В этой же песне говорится о том, как задобрить охранника сокровищ:

Выпьем пива, хряпнем водки

За удачу и находки.

Пару капель с хлебушком

Земляному дедушке.

5. Мотивы поминания усопших и попытки задобрить хранителя кладов

Поисковики нередко 22 июня приносят к братским могилам хлеб и водку, что связано с традиционной поминальной культурой, когда перед портретом покойника и на могилах оставляют хлеб, печенье, конфеты и стопку с водкой или водой (корни которой – в языческой тризне). Также в местах массовых захоронений, на могилы – временные захоронения – в наши дни кладут сигареты, чтобы погибшие бойцы могли закурить на том свете. Это отражено, например, в известной аудиокниге Алексея Ивакина «Поисковая мистика», где даже найденным немецким солдатам из сострадания оставляют несколько сигарет.

Внезапные локальные климатические изменения нередко свидетельствуют о пробуждении представителя потустороннего мира или о начавшемся взаимодействии (диалоге), как минимум, о том, что незваного гостя заметили. Из сказок мы помним, что нередко в момент, когда герой находит и берет в руки магический предмет, резко меняется (как правило, ухудшается) погода: начинает дуть сильный ветер, идет снег или дождь. Непонятный, но имеющий место факт в деятельности археологов (в т. ч. работающих с мумиями): при большом количестве найденных трупов выпадает большое количество осадков, как правило, на отдельном пространстве вблизи страшной находки.

В целом погодные приметы связаны с *поминальной традицией*. Так, дождь на похоронах говорит о высоких духовных качествах человека, о котором скорбит природа. Сложившиеся в поисковой среде традиции, связанные с перезахоронением, поминанием найденных бойцов, имеют связь с культом предков. В частности, это касается мытья костей, носящего у копателей не обрядовый, а практический характер (тяжело нести останки с глиной и землей). Зачастую погибшие красноармейцы наделяются способностями не только покровителя родной семьи, но и покровителя нашедшего их поисковика. Горсть земли в могилу изначально бросали, чтобы не бояться умершего. По традиции землю на гробы первыми кидают родственники опознанных бойцов и поисковики.

У кладоискателей обращение к мертвым (как правило, тем, кто спрятал сокровища) может быть или наполненным почтением (часто с этим связаны попытки «задобрить» охранника или хозяина клада), или, наоборот, кощунственным. От этого нередко зависит, насколько удачными окажутся раскопки.

6. Мотив связи кладов с деревьями

Клад нередко оказывается зарытым под *священным деревом* (старая сосна, ель или береза). «Поклонение деревьям является рудиментом системы языческих верований в эпоху

средневековья» [5, с. 107]. С этими деревьями, охраняющими клад, связано представление о местонахождении сокровищ.

Останки красноармейцев также нередко находят под деревьями. Символично, что из головы памятника на месте казни Веры Волошиной в Наро-Фоминском районе Московской области растет береза. Порой говорят, что погибшие возрождаются в новой жизни в виде деревьев, прежде всего – берез.

К тому же на месте больших захоронений обычно бывает обильная растительность, что связано с процессом разложения останков.

Образ не похороненного по православным канонам погибшего воина иногда поисковиками воспринимается как *заложный покойник*; этот термин введен Д.К. Зелениным для обозначения умерших неестественной, насильственной смертью, в том числе в результате самоубийства [10]. Душа такого человека не может покинуть этот свет, поэтому блуждает по земле. Согласно народным представлениям, заложный покойник превращается в березу. Связано это с тем, что таких людей поминали только в Семик (зеленые святки), в эти дни в деревнях ставили березу, девушки кумились.

В то же время умершие на поле брани считаются невинно убиенными воинами. Ср.: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9).

Заключение

Таким образом, многие действия поисковиков и кладоискателей имеют связь с народной традицией. Это касается, прежде всего, похоронного обряда. Кроме того, в фольклоре отражен образ искомого предмета. Поисковик выступает в роли посредника между миром живых и миром мертвых. Он наделяется способностью видеть расположение сокровища (или бойца) в вещем сне. Все это происходит благодаря тому, что копатель проходит в лесу своего рода инициацию – обряд, знаменующий переход на другую ступень развития (более подробно см. у З. Фрейда [11]; В.Я. Проппа [12]), познания, в данном случае – приобщения к миру мертвых. Речь идет не только о посвящении в поисковики после первого найденного и поднятого бойца и первой вахты памяти; устраиваемой в школьных отрядах «полосы препятствий» для новичков. Уже оказавшись в лесу, побывав в тумане, попробовав приготовленной на костре еды, человек становится чуть ближе к непознаваемому.

Среди мотивов следует выделить следующие, характерные для **«красных» копателей (поисковиков)**, главная цель деятельности которых – найти останки красноармейцев для успокоения их душ и оправдания их имен: *помощи, благодарности, избранности, единения с погибшими красноармейцами*. Для **«черных» копателей**, главная цель которых – нажива: **мотивы возмездия, наказания, проклятия рода**.

Можно провести параллели между взаимодействием поисковиков с душами погибших советских солдат и традиционными сюжетами о встрече сказочных помощников, испытывающих главных героев, или охранников (хранителей) места (клада). Встречи «черных» копателей с душами советских солдат (что редко) воспринимаются в фольклоре и постфольклоре как наказание; с душами немецких солдат – как взаимодействие с отрицательными персонажами (желающей получить душу нечистой силой, которой нельзя доверять). Кроме того, общим для фольклора поисковиков и кладоискателей является **образ охранника места (клада)**.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Живица Е.Ю. Устная народная снотолковательная традиция (на материале рассказов о снах): Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. – 147 с.
2. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. / Под ред. Н.И. Толстого. – Т. 1-3. – М., 1995, 1999, 2004. – С. 593–594.

3. Котельникова Н.Е. Несказочная проза Муромского района // Живая старина. 2005. – № 2 (46). – С. 21–24.
4. Рыбушкин И.В. Финская война. Записки поисковика. М.: Издательский дом Академии Жуковского, 2019. – 120 с.
5. Криничная Н.А. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах» (по материалам русских северных преданий) // Советская этнография. 1977. – № 4. – С. 105–111.
6. Казакова Л.А. Предания о кладах (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) [Электронный ресурс]. – 2013. – С. 74. – Режим доступа: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wg6110/wgpgu03/wgpgu03_08.pdf.
7. Добровольская В.Е. «Умереть сегодня – страшно, а когда-нибудь – ничего» (Знаки, предвестия и предчувствия смерти в традиционной культуре Центральной России) // Живая старина. – 2006. – № 2. – С. 30–33.
8. Ивакин А.Г. Поисковые рассказы [Электронный ресурс] // Я живу в ту войну. – Режим доступа: http://okopka.ru/i/iwakin_a_g/text_0040.shtml.
9. Георгиевский А. Клад по воззрениям простого народа // Олонецкие губернские ведомости. – 1900. – № 106. – С. 2.
10. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. ст. Н. И. Толстого. – М.: Издательство «Индрик», 1995. – 477 с.
11. Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. – М.: Издательство: Эксмо-Пресс, 2018. – 224 с.
12. Пропп В.Я. Морфология сказки. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.

REFERENCES

1. Jivisa E. Yu. Ustnaya narodnaya snotolkovatelnaya traditsiya (na materiale rasskazov o snah): Dis. ... kand. filol. nauk. – M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 2004. – 147 s. [in Russian].
2. Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar: V 5 tt. / Pod red. N.Ī. Tolstogo. – T. 1-3. – M., 1995, 1999, 2004. – S. 593–594. [in Russian].
3. Kotelnikova N. E. Neskazočnaya proza Muromskogo raiona // Jivaya starina. 2005. – № 2 (46). – S. 21–24. [in Russian].
4. Rybuşkin Ī. V. Finskaya voina. Zapiski poiskovika. M.: Īzdatelskij dom Akademii Jukovskogo, 2019. – 120 s. [in Russian].
5. Krinichnaya N. A. Īstoriko-etnograficheskaya osnova predanii o «zacharovannyh kladah» (po materialam russkih severnyh predanii) // Sovetskaya etnografiya. 1977. – № 4. – S. 105–111. [in Russian].
6. Kazakova L. A. Predaniya o kladah (po materialam folklornogo arhiva PskovGU) [Elektronnyi resurs]. – 2013. – S. 74. – Rejim dostupa: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wg6110/wgpgu03/wgpgu03_08.pdf. [in Russian].
7. Dobrovolskaya V. E. «Umeret segodnya – straşno, a kogda-nibud – nichego» (Znaki, predvestiya i predchuvstviya smerti v traditsionnoi kulture Tsentralnoi Rossii) // Jivaya starina. – 2006. – № 2. – S. 30–33. [in Russian].
8. Īvakin A. G. Poiskovyje rasskazy [Elektronnyi resurs] // Ya jivu v tu voinu. – Rejim dostupa: http://okopka.ru/i/iwakin_a_g/text_0040.shtml. [in Russian].
9. Georgievskij A. Klad po vozzreniyam prostogo naroda // Olonetskie gubernskie vedomosti. – 1900. – № 106. – S. 2. [in Russian].
10. Zelenin D. K. Īzbrannye trudy. Oчерki russkoi mifologii: Umerşie neestestvennoyu smertyu i rusalki / Vstup. st. N. Ī. Tolstogo. – M.: Īzdatelstvo «Īndrik», 1995. – 477 s. [in Russian].
11. Freid Z. Totem i tabu: Psihologiya pervobytnoi kultury i religii. – M.: Īzdatelstvo: Eksmo-Press, 2018. – 224 s. [in Russian].
12. Propp V. Ya. Morfologiya skazki. – L.: Academia, 1928. – 152 s. [in Russian].